

А.А. Васильев
Ю.А. Зеленин*
Ю.В. Печатнова

Алтайский государственный университет,
НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», Барнаул, Россия
*Corresponding author: uri-zelenin@yandex.ru

Преимственность и сохранение традиционных политических и правовых институтов народов тюрко-монгольского мира в современных условиях

Аннотация. *Вопрос об определении собственной национальной идентичности является своего рода призмой, с помощью которой возможны рассмотрение, оценка и исследования многих важных черт современной политической и правовой жизни тюрко-монгольских народов. Именно поэтому в настоящее время важно проследить основы идейно-ценностного фактора, преимущественности и сохранения традиционных и правовых институтов народов тюрко-монгольского мира. Цель исследования - проанализировать основные научные представления о степени преимущественности и возможности сохранения традиционных политических и правовых ценностей в странах тюрко-монгольского мира в условиях глобализации. Авторами дана оценка степени изученности предмета исследования, подчеркнуты основные научные идеи, проанализирована возможность сохранения традиционных ценностей тюрко-монгольского мира в условиях глобализации. В ходе исследования использовались апробированные научные принципы плюрализма политико-правовых культур и историзма, культурно-цивилизационный подход, исторический, герменевтический, сравнительный и формально-юридический методы. В результате исследования авторы приходят к выводу о том, что, с одной стороны, специфика функционирования политических и правовых институтов стран тюрко-монгольского мира основана на стремлении сохранить свою самостоятельность и независимость от влияния внешних сил, но, с другой стороны, прослеживается в разной степени успешности имитация западноориентированных нарративов.*

Ключевые слова: *традиционализм; преимущественность; тюрко-монгольский мир; глобализация; тюрканизм; евразийская правовая семья; смешанная правовая система.*

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-136-3-25-39>

Поступила: 15.06.2021 / Одобрена к опубликованию: 30.07.2021

Введение

Существенные социально-политические и экономические преобразования, наблюдающиеся в современном мире, неизбежно приводят к расширению взаимосвязи и взаимозависимости всех стран и культур на планете Земля. Эти

перемены проникают во все сферы социума и не получают в современном политико-правовом знании однозначные и непротиворечивые оценки. Следует учитывать, что исторический опыт давно доказал отсутствие какого-либо идеального образца для конструирования правовой и политической системы государства, который

можно было бы успешно рецепировать или навязать принудительным путем. Каждая страна обладает своим специфическим опытом построения оптимальной для себя правовой и политической системы. Это непосредственно касается и стран, входящих в состав, так называемого, тюрко-монгольского мира: Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Азербайджана и Монголии. Одним из главных факторов в процессе формирования правовых и политических систем данных стран являются их традиционные политические и правовые институты и ценности. Можно полностью согласиться с А.Х. Саидовым, что «это предопределяется системой ценностей и целевой ориентацией, национальными традициями и историческими условиями, социально-экономической и политической средой, сложившимся укладом жизни и мировоззрением людей, включая религиозные верования, психологию и нормы поведения» [1, с. 39]. Цель данного исследования - проанализировать имеющиеся научные позиции и оценить степень сохранения и преемственности данных институтов стран тюрко-монгольского мира в современных условиях.

Материалы и методы

Изучение степени сохранения культурных, в том числе политико-правовых, традиций народов тюрко-монгольского мира в современных условиях находит отражение в ряде значимых научных исследований. Прежде всего следует отметить труды таких авторов, как Абашин С.Н., Аватков В.А., Борисова Е.А., Будкин В.С., Вежбицки А., Малышева Д. Б., Масанов Н. Э., Молдоев Э. Э., Надеин-Раевский В.А., Небрятенко Г.Г., Панарин С.А., Пепруз С., Саблофф П., Саидов А.Х., Содномпилова М.М., Сулейменов М.К., Халид А., Хантингтон С., Хиро Д., Чернышов, С.А., Чикеева З.Ч., Шулупов Н.А. и др. Также были проанализированы различные нормативно-правовые акты, прежде всего конституции Монголии, Казахстана, Киргизии,

Таджикистана, Туркмени, Узбекистана с точки зрения их ориентированности на преемственность и сохранение традиционных политико-правовых ценностей.

В ходе исследования использовались апробированные научные принципы, методы и подходы.

Принципы и методологические установки исследования:

- принцип учета плюрализма политико-правовых культур, позволяющий рассматривать традиционные политико-правовые культуры как самодостаточные и автохтонные;

- принцип историзма, способствующий выяснению генезиса, этапов развития традиционных политико-правовых культур;

- традиционализм как исследовательская установка, предполагающая поиск в существующих политико-правовых институтах и концептах элементов и архетипических образов традиционного общества.

Методы и подходы исследования:

- культурно-цивилизационный подход, который позволяет вскрыть источники, корни и пласты национальной духовной культуры, сущность традиционных политико-правовых систем в контексте национальной культуры;

- исторический метод, который дает возможность рассмотреть становление и эволюцию традиционных государственно-правовых систем;

- герменевтический метод, направленный на актуализацию политико-правовых национальных ценностей и идей в контексте современной эпохи модернизации и глобализации;

- сравнительный метод, позволяющий сопоставить традиционные ценности различных государств и наций тюрко-монгольского мира друг с другом, а также провести соотношение ценностей традиционного государства и государства эпохи модерна;

- формально-юридический метод, направленный на анализ нормативных актов государств тюрко-монгольского мира

с целью выявления в них преемственности и сохранения традиционных ценностей;

Обсуждение

Проблематика исследования затрагивается в определенной степени в обзорных работах (Кёртис Г. [2], Хиро Д. [3], Россabi М. [4]) и справочной литературе [5], посвященных истории и современному положению политических и правовых систем стран Центральной Азии, Азербайджана и Монголии.

Проблема влияния ислама на политическую и правовую культуру стран Центральной Азии и Азербайджана рассматривается в исследованиях С.Н. Абашина [6], С. Пейруза [7], Х. Фатхи [8], А. Халида [9]. Также в исследовании учитывались научные труды Е.А. Боросовой [10], Н.Э. Масанова [11], В.Г. Егорова и Д.А. Рекка [12], изучающих влияние традиционных неформальных политических институтов на политические и правовые системы стран тюрко-монгольского мира.

Большое количество научных работ посвящено анализу идейных начал и ценностных ориентиров государственной политики стран Центральной Азии, особенностей их политической культуры. В.А. Аватков в качестве важного идейного ориентира государств Центральной Азии определяет интерпретирование исторического прошлого в контексте собственного видения на фоне политики «коренизации» и фольклоризации истории, а также элемент ретрадиционализации, под которым можно понимать полное или частичное возвращение к традиционным институтам или ценностям. Автор анализирует прежде всего официальные документы внешнеполитического курса государств постсоветского пространства, которые содержат в себе основные идеи национальной идентичности. По его мнению, в них в общих чертах прослеживаются западноориентированные нарративы, но видоизмененные в соответствии с национальной спецификой тюркских государств [13].

Д.Б. Малышева, анализируя традиционные черты правовых и политических институтов тюрко-монгольского мира, отмечает, что «неформальные институты и связи (кланы, жузы и пр.) продолжают играть определенную роль в политической жизни государств ЦА, что привнесло в прошлом и привносит в центраальноазиатскую политику наших дней элемент ретрадиционализации» [14, с.48].

Подобным образом в диссертационной работе Содномпиловой М.М. «Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов» отстаивается идея сохранения архаического пласта традиционной культуры тюрко-монгольского мира вместе с культурным наслоением, преломляющимся в религиозном комплексе [15].

В.С. Будкин отмечает сложности демократизации в странах Центральной Азии, вызванные «полицивилизационным» характером общественной жизни данного региона. По его мнению, ориентация на западные демократические ценности в данных странах не отвергается, но «их использование на практике имеет сугубо имитационный характер» [16, с.116].

По мнению С.А. Панарина, делающего акцент на влиянии исторического наследия и географического фактора на политическую культуру стран Центральной Азии, «в них преобладает тенденция к утверждению авторитарной модели политического развития в форме светского унитарного государства» [17, с.129]. В то же время он подчеркивает, что это не означает невозможность какой-либо модели демократизации стран Центральной Азии, но «обычно побеждает вариант, хоть в какой-то мере восходящий к собственным традициям политической культуры данного общества» [17, с.129].

В.А. Надеин-Раевский считает, что для стран Центральной Азии традиционна власть восточного типа, которая несовместима ни с какой европейской демократизацией. По его мнению, власть этнократических элит и кланов в советский период в этих странах напоминала систему сатрапий, и поэтому

после обретения независимости во всех республиках установились режимы личной власти [18, с.145].

Таким образом, большинство авторов, изучающих традиционные ориентиры народов тюрко-монгольского мира в современных условиях, отмечают, во-первых, стремление сохранить национальную самобытность; во-вторых, элементы ретрадиционализации; в-третьих, религиозную составляющую традиционных ценностей. Также следует констатировать, что исследователи, отмечая дуализм традиционных и современных (западных) ценностей, не сходятся в вопросе о преобладании того или иного элемента, степени их имитации.

Результаты

После обретения государственного суверенитета в связи с распадом СССР страны ЦА встали перед непростым выбором дальнейшего политического и правового развития. Декларация международных стандартов прав и свобод человека дает возможность политическим элитам стран Центральной Азии и Азербайджана указывать при международном взаимодействии на наличие демократических институтов, убеждать западных партнеров в их постепенном усовершенствовании. Однако на практике эти институты имеют мало общего с общепризнанными демократическими стандартами. Поэтому можно согласиться со многими авторами, что ориентация на западные демократические ценности носила во многом имитационный характер.

По мнению В.С. Будкина, предпосылки современного политического развития в Центральной Азии были заложены еще в СССР. Так, многие черты советской политической культуры имели очень большое сходство с традиционной культурой центральноазиатских народов: государственный патернализм, использование в политической жизни авторитета старейшин (ранее и лидеров республиканских компартий), вытекающая из этого

формализация участия электората в выборах, существование кардинальных различий между формой и сущностью органов власти и т.д. Он считает, что роль традиционной культуры общественных отношений усилилась в период застоя [16, с.116]. Последняя «тщательно мимикрирует под существующие формы партийно-советского устройства «развитого социализма» и постепенно существенным образом перерождает их природу в сторону традиционной, в том числе клановой, вертикали власти» [16, с.116].

Также следует отметить, что определенное влияние на политическую и правовую культуру продолжает оказывать ислам, ряд элементов которого за длительный промежуток времени своего проникновения в Центрально-Азиатский регион приспособился к реальным условиям жизни и тем самым стал неотъемлемой частью традиционного мировоззрения, проживающих здесь народов. Так, С. Хантингтон подчёркивает, что «для мусульманского общества характерны приоритет коллективизма над индивидуализмом, повышенная значимость влияния на поведение человека принадлежности к определенной родоплеменной общности (семья, клан, племя), а не государству: исторически в Центральной Азии не существовало национальной идентичности» [19, с.270-271].

В то же время многие авторы отмечают, что для центральноазиатских стран характерна определенная «национализация ислама». Это рассматривалось как дополнительный ресурс и источник укрепления легитимности. Но, с другой стороны, по мнению Себастьяна Пейруза, «всё, что не могло быть вписано в национальные рамки объявлялось чуждым и даже опасным, несмотря на свой мусульманский характер. Также для центральноазиатских правительств свойственно стремление сохранить эффективный институциональный контроль над религиозной деятельностью, для чего использовали еще советские институты – духовные управления и комитеты по делам религии» [7, с.9-32].

Представители государственных органов в своем общении с народом апеллируют зачастую к традиционным политическим ценностям и выступают против слепого заимствования западноевропейских ценностей. Хотя баланс между ними может варьироваться в разных центральноазиатских странах и в разный период времени. К примеру, в 1993 году Н. Назарбаев отмечал естественность обращения к традиционной идеологии, что было вызвано кризисом марксизма-ленинизма: «Опыт современного мира убедительно показывает, что некоторые традиционные структуры очень органично вплетаются в ткань нынешней цивилизации. Без опыта невозможно и новаторство. Именно традиции позволяют человеку не потеряться, а приспособить свой образ жизни к стремительным изменениям современного мира». Однако он подчеркивал, что в Казахстане всецело поддерживают только здоровые элементы традиционной культуры, но категорически отрицают политическую идеологию традиционного типа, основанную «на оживлении архаических форм общественного устройства, родоплеменной психологии и системе правовых взглядов, характерных для территориальной организации казахского общества XVIII -XIX веков» [20, с.10].

Роль неформальных родовых институтов, в том числе кланов, в политической жизни Центральной Азии сложно переоценить. По мнению казахстанского историка и политолога Д. Ашимбаева: «Для всех среднеазиатских республик характерен симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит - землячество, кумовство, родство, связи по школьной парте, контакты в рамках делового партнёрства. Такова характерная особенность азиатских стран постсоветского пространства: какая бы политическая модель ни была зафиксирована в правовых актах, существует крайне устойчивая традиционная, неформальная система взаимоотношений между элитами» [12, с.38].

Не следует считать, что клановая организация является исключительно

социальным пережитком и контрпродуктивным наследством центральноазиатских республик, подлежащим искоренению. Часть исследователей утверждают, что «обретая новые сущностные качества, азиатские кланы становятся актуальным социально-политическим феноменом» [12, с.37-38]. Против однозначно негативной оценки усиления трайбализма в условиях социального расслоения выступает польский антрополог А. Вежбицки: «Неотрайбализм воспринимается как барьер на пути модернизации, но в то же время он способствует сохранению самобытности народов региона и смягчению трудностей переходного периода» [21, с.38]. Считая, что традиционные связи в центральноазиатских обществах все же не являются доминирующими, он отмечает большое значение неотрайбализма для политических систем данных стран как доказательства их цивилизационной самобытности и бесперспективности навязывания любой ценой западных ценностей [21, с.54].

В функционировании институтов политической системы стран Центральной Азии и Азербайджана проявляются, скорее, политические традиции периода СССР, чем следование западным моделям. Об этом свидетельствуют чрезвычайно высокие показатели (по большей части 80-90%) проголосовавших за глав государств (чаще всего это одни и те же политики) этих стран на их выборах в 1990, 2000, 2007, 2015, 2016 гг. в Узбекистане, в 1999, 2005, 2011, 2015 – в Казахстане, в 1999, 2006, 2013, 2020 гг. – в Таджикистане. В Туркменистане показатели проголосовавших за С. Ниязова и Г. Бердымухамедова никогда не опускались ниже 97%. Исключением из правил является только Киргизия, где этот показатель колеблется в пределах 50-80% и только в 2005 (88%) превысил этот показатель. Достаточно высокими являются данные показатели и в Азербайджане: 1993 – 98,8%; 1998 – 76,1%; 2003 – 76,86 %; 2008 – 88,73%; 2018 – 86,22%.

Парламенты в большинстве указанных стран не являются в достаточной мере

самостоятельными и носят сутобо представительский характер, придающий политическим режимам демократическую видимость. Ослаблению их роли в том числе способствовало активное использование механизма национальных референдумов при решении важных политических вопросов. Также на это влияет практика создания в ряде стран квазипарламентских политических структур – Ассамблеи народов Казахстана (в 1995 г.) или Народного совета (Халк Маслахаты) в Туркменистане (в 2003 г.).

Какужебыло отмечено, при характеристике правовых систем стран Центральной Азии и Азербайджана, помимо влияния исламской правовой традиции и западноевропейских ценностей, также не следует недооценивать историческое наследие Монгольской и Российской империй, а также Советского Союза.

В данном случае имеет под собой определенные основания точка зрения казахстанского конституционалиста Абайдельдинова Е. М., который считает, что «в результате взаимодействия тюркского и монгольского этносов в XI-XV веках и его последующей трансплантации (насильственного насаждения) на тюркскую и древнерусскую почву, другие завоеванные территории появилась своеобразная тюрко-монгольская государственно-правовая система, в которой и тюрки, и монголы, и славяне тысячелетиями сосуществовали в одном географическом пространстве, в тесном политическом, экономическом, правовом и духовном взаимодействии» [22, с. 88-89]. По его мнению, «империя Чингисхана и его потомков во многом формировала государственность и право на Евразийском пространстве в средние века, которая затем влияла на государственность и право России и после эпохи реформ Петра I, затем – на советскую и в составе СССР – на казахстанскую государственно-правовую систему» [22, с. 88-89].

Также, на наш взгляд, большую методологическую значимость имеет позиция российского правоведа Е.Н. Тонкова,

утверждающего, что преобладающим типом правопонимания в России является реалистический позитивизм. Последний имеет глубокие исторические корни, но окончательно сформировался в постреволюционное время и продолжает действовать по настоящее время. Суть реалистического позитивизма заключается в определенном диссонансе между декларативными нормами справедливого порядка и юридической практикой [23, с. 63-76]. Думается, что данный тип правопонимания является составной частью не только российской правовой культуры, но и в той или иной мере большинства стран бывшего СССР.

Поэтому, по нашему мнению, нельзя полностью согласиться с широко распространенной точкой зрения, что правовые системы стран Центральной Азии и Азербайджана являются составной частью романо-германской правовой семьи [24, с. 22]. Близко к этой позиции мнение исследователей, согласно которому правовые системы стран Центрально-Азиатского региона и Азербайджана являются неотъемлемой частью романо-германской правовой семьи и образуют в ней вместе с правовыми системами России и других республик СНГ самостоятельную, «евразийскую», группу [27, с.119].

Однако следует отметить, что данные авторы акцентируют внимание в основном на формально-юридическом критерии (основной источник права) отнесения правовой системы к той или иной правовой семье и не в полной мере учитывают историю формирования правовой системы, особенности ее правовой культуры и правоприменения. Эту проблему, на наш взгляд, прекрасно сформулировала киргизский правовед Чикеева З.Ч.: «как классифицировать правовую систему, чтобы она в одно и то же время могла учитывать близость нынешнего писаного права - «lawinbook» стран Центральной Азии - с правом романо-германских стран, а также принципиальные различия этих видов правовых систем на уровне действующего права «lawinaction»?» [29].

Эта проблема решается исследователями обычно двумя путями. Первый путь – это объявить национальную правовую систему уникальной. По мнению киргизских ученых Э.Э. Молдоева и А.М. Абакировой, «правовая система Кыргызской Республики образует отдельный самостоятельный вид правовой цивилизации (кочевой), для изучения которой необходимо использовать новый теоретический инструментарий» [30, с.63]. Они это объясняют «особенностями в духовном статусе права и их социальных источников, соотношением индивидуализма и коллективизма с правами человека, закономерностями национального правового менталитета, правовой идентификацией социально-значимых фактов» [30, с.63]. К сожалению, не совсем понятна до конца правовая уникальность Киргизии и почему нельзя к этой «кочевой правовой цивилизации» отнести также, к примеру, правовую систему Монголии или Казахстана?

Второй, более, на наш взгляд, предпочтительный путь – это выделение отдельной правовой семьи – евразийской, в которую входят ряд правовых систем, входящих до распада СССР в социалистическую правовую семью. Такой позиции придерживаются Ю.Н. Оборотов [31], Н.А. Шулепов [32], Е.О. Мадаев [33]. Помимо правовых систем стран ЦА туда включают чаще всего также правовые системы России, Беларуси и Украины.

Ярким примером борьбы идей сохранения традиционных ценностей и приобщения к западной культуре является пример политической и правовой системы Монголии, на прерывистый путь развития и становления которой оказало непосредственное влияние насыщенное и неоднозначное историческое прошлое тюрко-монгольского мира.

Данная страна в определенной степени выделяется своей политической и правовой системой от стран Центральной Азии и Азербайджана. Например, это единственное государство тюрко-монгольского мира, которая признается Западом как демократия. Так, согласно одному из индексов

демократии (Economist Intelligence Unit) Монголия занимает 61 место и относится к несовершенным демократиям. Остальные страны причисляются к гибридным (Киргизия – 107 место) или к авторитарным режимам (Казахстан – 128 место; Азербайджан – 148 место; Узбекистан – 155 место; Таджикистан – 159 место; Туркменистан – 162 место) [34]. Причем, по мнению американской исследовательницы Паулы Саблофф, хотя кажется, что монголы в значительной степени почерпнули свое понимание либеральной демократии из «международной среды», на самом деле монгольская культура либеральной демократии возникла до западного влияния в XX веке. В действительности демократия у монголов, как она считает, берет свое начало от их кочевых предков и таких принципов правления их великого вождя Чингисхана как независимость и суверенитет (*independence and sovereignty*), грамотность (*literacy*), предполагающее участие управление (*participatory government*), верховенство права (*rule of law*), равноправие граждан (*equality of citizens*), равенство через меритократию (*equality through meritocracy*), уважение к женщинам (*respect for women*), гражданские свободы и права человека (*personal freedoms and human rights*). Поэтому быстрое принятие монголами демократии не является аномалией, как считают большинство политологов, а, скорее, является логическим развитием их истории и политической культуры [35, с.19].

Е.В. Павлов выделяет три этапа развития монгольского права:

1) период первой кодификации права и формирование единой правовой системы, характеризующийся созданием письменного свода обычаев;

2) период второй кодификации права, характеризующийся в соответствии с политическими обстоятельствами внедрением маньчжурского законодательства;

3) период новейшей истории, характеризующийся двумя этапами: во-первых, функционированием социалистической системы права 1924 – 1990

г., во-вторых, переходом к правовой системе современного типа [36, с.63-71].

Если первые два периода развития монгольского права имеют ярко выраженные признаки, характерные для правовых систем обычного или традиционного права, то отнесение современной правовой системы Монголии к определенной правовой семье является неоднозначным вопросом в сравнительно-правовых научных исследованиях.

Ввиду традиционно-идеологического характера права, который заключается в активном использовании философско-духовных и нравственно-религиозных учений в качестве основ правового регулирования, Г.Г. Небратенко относит Монголию к группе стран обычного права [37, с.10-14].

Вместе с тем А.В. Юрковский отмечает, что «современная правовая система Монголии имеет ярко выраженный прозападный характер и входит в романо-германскую правовую семью, сохраняя определенные черты социалистического права» [38, с.114-116].

Наличие признаков как обычного права, так и прозападных концепций подтверждается посредством проведения детального анализа конкретного основополагающего нормативного правового акта Монголии – монгольской Конституции. Конституции Монголии была принята одним годом ранее, чем Конституция РФ. Тем не менее, видится, что большинство конституций постсоветского пространства, принимаемых в одинаковых условиях и с одинаковым рвением продемонстрировать свою уникальность, оказались в итоге максимально близкими по смыслу и схожими по построению.

В части государственного устройства осуществление государственной власти в Монголии регламентируется следующими конституционными нормами: высшим органом государственной власти является Великий Государственный Хурал Монголии – однопалатный законодательный орган (ст.20), главой государства – Президент (ст.30), высшим исполнительным органом

– Правительство (ст.38), высшим судебным органом – Верховный суд (ст.50). Государство унитарное, с административным делением на аймаки и столицу (ст.2) [39].

В Конституции Монголии прямо не упоминается о разделении публичной власти на государственную власть и местное самоуправление. О наличии местного самоуправления в Монголии можно судить, исходя из ст.59 Конституции Монголии, устанавливающей, что руководство административно-территориальными единицами Монголии осуществляется на основе сочетания самоуправления и государственного управления [39].

В этой связи Б. Жаргалханд отмечает неопределенность в обязательствах местных органов власти [40, с.153-157], а А.В. Юрковский делает вывод о том, что недостаток законодательного регулирования местного самоуправления компенсируется обычными законами, регулирующими порядок осуществления властных полномочий на местах [38, с.114-116].

Положения Конституции Монголии, касающиеся правового положения личности, основаны во многом на положениях Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В этой части Конституция Монголии явно демонстрирует стремление государства приобщиться к западноевропейской демократической конституционной традиции.

Несмотря на то, что историческое прошлое Монголии отражает приверженность к обычаю, в современной Конституции Монголии декларируется: «уважение к закону – основной принцип государственной деятельности» (ст.1), при этом нет ни одного прямого упоминания о национальных обычаях или традициях, за исключением напутственных слов в преамбуле Конституции о необходимости «свято оберегать и наследовать традиции своей государственности» [39]. В Конституции Монголии нашли отражения только несколько норм, подчеркивающих национальную самобытность Монголии [41].

Во-первых, в ст.5 Конституции Монголии отмечается своеобразие правового регулирования экономических отношений: «В Монголии многоукладная экономика, в развитии которой учитываются существующие в мире экономические отношения, а также специфические особенности своей страны» [39]. Например, в той же ст.5 указано, что скот является национальным достоянием Монголии, что демонстрирует цивилизационные особенности данной страны.

Во-вторых, в ст.10 подчеркивается своеобразная обязанность государства вести миролюбивую внешнюю политику, а также прямо указано на верховенство Конституции Монголии по отношению к международным актам.

В-третьих, определенную особенность можно усмотреть во времени вступления в силу данной конституции. Так, в ст. 70 указывается, что «12 часов 12 февраля 1992 года или, иначе, в час Лошади благословенного дня Желтой Лошади, отмеченного узлами молодости, девятого дня первого весеннего месяца Черного Барса (Тигра) года Водяной Обезьяны семнадцатого шестидесятилетия» [39]. Дело в том, что эта дата наиболее благоприятного вступления в силу Конституции Монголии была вычислена ламаистскими астрологами и это в очередной раз доказывает уважение законодателем национальных обычаев.

Таким образом, конституционное право Монголии является итогом синтеза исторического и современного опыта, сочетанием идей западноевропейского конституционализма и самобытных национальных традиций и обычаев.

На сегодняшний день Конституция Монголии имплементировала в свой текст немногочисленные обычные нормы, подчеркивающие историческое прошлое Монголии и ее национальную самобытность, тем не менее основным идейным ориентиром является приобщение к общепринятым нормам и принципам международного права. В этой связи роль обычаев и традиций как

правового регулятора постепенно утрачивает свое былое значение в Монголии. Поэтому монгольскую правовую семью уже сложно однозначно назвать правовой системой обычного права, но еще нельзя в полной мере отнести к романо-германской правовой семье. Также нельзя отрицать значительного влияния на монгольскую правовую систему, в том числе на правовую доктрину и правоприменение, социалистического права. Поэтому, скорее всего, на данный момент следует согласиться с рядом исследователей и оценивать правовую систему Монголии как смешанную [24, с.330].

Заключение

Таким образом, декларируемые в конституциях и других официальных документах западноевропейские политические ценности до сих пор не смогли стать основополагающими принципами формирования и функционирования политико-правовых институтов государств Центральной Азии и даже Монголии. Отмечаемый рост национального самосознания тюрко-монгольских народов, интенсивность проводимых исследований и популяризация правовой культуры тюрко-монгольского мира проявляется как защитная реакция на ярко выраженную стандартизацию политико-правовой жизни. Поэтому усиление объективных интеграционных тенденций в мире сопровождается параллельным, не менее устойчивым процессом противодействия проявлениям глобализации в духовной сфере в форме обособления этнических и культурных общностей в разных регионах и странах.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 7487-15Ф.99.1.ББ97АА00002).

Список литературы

- 1 Саидов А.Х. Религиозная толерантность и светское государство в Узбекистане / А.Х. Саидов. – Ташкент: Национальный центр Республики Узбекистан по права человека, 2002 - 174 с.
- 2 Curtis Glenn Eldon. Kazakstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan /Curtis Glenn Eldon. – Headquarters, Dept. of the Army, 1997. – 629 p.
- 3 Hiro, Dilip. Inside Central Asia. – London: Overlook Duckworth, 2009. – 450 p.
- 4 Rossabi M. Modern Mongolia: from khans to commissars to capitalists / M. Rossabi. – California: University of California Press, 2005. – 435 p.
- 5 Политические системы современных государств: энциклопедический справочник. – Москва: Аспект Пресс, 2012. – 599 с.
- 6 Абашин С. Исламский вызов идее нации? Некоторые соображения на примере Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 3 (285). – С.73-85.
- 7 Пейруз С. Управление религиозным фактором в Центральной Азии: продолжение советской концептуальной схемы и псевдовозрождение // Расы и народы. Вып. 32. – Москва: Наука, 2006. – С. 9-32.
- 8 Фатхи С. Переустройство ислама в независимых государствах Центральной Азии // Расы и народы. Вып. 32. – Москва: Наука, 2006. – С. 33-41.
- 9 Халид А. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 304 с.
- 10 Борисова Е.А. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном // Вестник Евразии. – 2002. – № 1. – С. 27-47.
- 11 Масанов Н. Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. – 1999. – №1. – С. 46-61.
- 12 Егоров В.Г., Рекк Д.А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник МГОУ. – 2020. – № 3. – С. 36-47.
- 13 Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // Мировая политика. – 2019. – № 4. – С. 1-12.
- 14 Малышева Д. Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2018. – Т. 11, № 3. – С. 36-52.
- 15 Содномпилова М.М. Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов: автор. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.07. – Улан-Удэ, 2011. – 50 с.
- 16 Будкин В. Государства Центральной Азии: дилеммы власти // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №5 (47). – С.115-130.
- 17 Панарин С.А. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С.90-132.
- 18 Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении / В.А. Надеин-Раевский. – Москва: Русская панорама, 2017. – 316 с.
- 19 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва: АСТ, 2003. – 603 с.
- 20 Назарбаев Н.А. Идеиная консолидация общества - как условие прогресса Казахстана / Н.А. Назарбаев. – Алматы: Казахстан XXI век, 1993. – 31 с.
- 21 Вежбицки А. Исторические, политические и социально-экономические аспекты номадизма и трайбализма у народов Центральной Азии // Центральная Евразия. – 2018. – № 2. – С.37-63.
- 22 Абайдельдинов Е. М. Соотношение международного и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности) / Е.М. Абайдельдинов. –Алматы: Юридическая литература, 2006. – 271 с.
- 23 Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы / Р.А. Ромашов, Ю.Ю. Ветютнев, Е.Н. Тонков. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. – 448 с.
- 24 Саидов А.Х. Национальные парламенты мира: энцикл. справ / А.Х. Саидов. –Москва: Волтере Клувер, 2005. – 720 с.
- 25 Аюпова К.З., Кусаинов Д.У. Национальные правовые системы стран Центральной Азии: опыт, перспективы // Правовые системы России и стран Центральной Азии: проблемы развития и взаимовлияния: сборник тезисов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию юридического факультета АлтГУ (24-25 мая 2018 года). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – С.39-44.

- 26 Сулейменов М.К. Английское право и правовая система Казахстана // Право и государство. – 2016. – № 3 (72). – С. 37-45.
- 27 Алиев Т.Р. Тенденции становления и развития правовой системы Азербайджана // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2011. – №34. – С.119-121.
- 28 Сухарева А.Я. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / А.Я. Сухарева. – Москва: Норма, 2003. – 976 с.
- 29 Чикеева З.Ч. Национальная правовая система Кыргызской республики в переходный период // Міжнародна юридична науково-практична Інтернет-конференція «Проблеми юриспруденції: теорія, практика, суспільний досвід» [Електрон. ресурс]. – 2013. – URL: https://www.legalactivity.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=621%3A031013-18&catid=78%3A1-1013&Itemid=97&lang=en (дата обращения 25.05.2018).
- 30 Молдоев Э. Э., Абакирова А. М. К вопросу о национальной правовой системе Кыргызской Республики // Проблемы Науки. – 2017. – №4 (86). – С.61-64.
- 31 Оборотов Ю.Н. Общеправовое развитие и евразийская правовая семья // Философия права. 2001. № 1 (3). С. 71-74.
- 32 Шулепов Н.А. Концепция «евразийского» права в современной компаративистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 5 (782). С. 220-224.
- 33 Мадаев Е.О. Доктрина в евразийской правовой системе // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Научный редактор Ю.И. Скуратов. 2018. С. 51-56.
- 34 Democracy Index. [Электрон.ресурс]. – 2021. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Democracy_Index (дата обращения: 25.05.2021).
- 35 Sabloff P. L. W. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // Central Asian Survey. – 2002. – Т. 21. – №. 1. – С. 19-36.
- 36 Павлов Е.В. Общая характеристика правовой системы Монголии // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы 10 Всероссийской молодежной научно-практической конференции (31 марта – 1 апреля 2016 г., г. Улан-Удэ) / Вост.-Сиб. гос. ун-т технологий и управления. – Улан-Удэ, 2016. – С. 63-67.
- 37 Небратенко Г.Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // Философия права. – 2010. – № 5. – С. 10-14.
- 38 Юрковский А. В. К вопросу о правовой системе Монголии // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона - III: материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 114-116.
- 39 Конституция Монголии. [Электронный ресурс]. - 2021.-URL.: <https://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения: 25.05.2021).
- 40 Жаргалханд Б. Проблемы законодательного регулирования местного самоуправления в Монголии // Вестник Бурятского государственного университета, 2012. – № 2. – С. 153-157.
- 41 Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти Русского государства и Сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4. - Т. 2. – С. 139–159.

А.А. Васильев, Ю.А. Зеленин, Ю.В. Печатнова

Алтай мемлекеттік университеті, «Үлкен Алтай» алтаистика және түркология ФБО, Барнаул, Ресей

Қазіргі жағдайда түркі-моңғол әлемі халықтарының дәстүрлі саяси және құқықтық институттарының сабақтастығы және сақталуы

Аңдатпа. Өзіндік ұлттық бірегейлікті анықтау туралы мәселе призманың бір түрі болып табылады, оның көмегімен түркі-моңғол халықтарының қазіргі саяси және құқықтық өмірінің көптеген маңызды белгілерін қарастыруға, бағалауға және зерттеуге болады. Сондықтан қазіргі уақытта түркі-моңғол әлемі халықтарының дәстүрлі және құқықтық институттарының идеялық-құндылық факторының негіздерін,

сабақтастығы мен сақталуын қадағалау маңызды. Зерттеудің мақсаты-жаһандану жағдайында Түркі-моңғол әлемі елдеріндегі дәстүрлі саяси және құқықтық құндылықтардың сабақтастық дәрежесі мен сақталу мүмкіндігі туралы негізгі ғылыми түсініктерге талдау жасау. Авторлар зерттеу пәнінің зерттелу дәрежесіне баға беріп, негізгі ғылыми идеяларын атап, жаһандану жағдайында Түркі-моңғол әлемінің дәстүрлі құндылықтарын сақтау мүмкіндігіне талдау жасады. Зерттеу барысында саяси-құқықтық Мәдениеттер мен тарихизм плюрализмінің дәлелденген ғылыми принциптері, мәдени-өркениеттік көзқарас, тарихи, герменевтикалық, салыстырмалы және ресми-құқықтық әдістер қолданылды. Зерттеу нәтижесінде авторлар, бір жағынан, түркі-моңғол әлемі елдерінің саяси және құқықтық институттары қызметінің ерекшелігі өзінің дербестігі мен тәуелсіздігін сыртқы күштердің ықпалынан сақтау ниетіне негізделген деген тұжырымға келеді, екінші жағынан, батыстық бағдарланған нарративтердің имитациясы табыстылықтың әртүрлі дәрежесінде байқалады.

Түйін сөздер: дәстүрлілік; сабақтастық; түркі-моңғол әлемі; жаһандану; трайбализм; Еуразиялық құқықтық отбасы; аралас құқықтық жүйе.

A.A. Vasiliev, Y.A. Zelenin, Y.V. Pechatnova

Altai State University, Scientific and Educational Centre of Altai and Turkic Studies «Big Altai», Barnaul, Russia

Continuity and Preservation of Traditional Political and Legal Institutions of Turkic-Mongolian Peoples in Modern Conditions

Abstract. The question of defining own national identity is a kind of prism with the help of which consideration, estimation and research of many important features of modern political and legal life of Turkic-Mongolian peoples are possible. That is why at present it is important to trace the foundations of the ideological-value factor, continuity and preservation of traditional and legal institutions of the peoples of the Turkic-Mongolian world. The aim of the study is to analyse the main scientific ideas about the degree of continuity and the possibility of preserving traditional political and legal values in the countries of the Turkic-Mongolian world in the context of globalisation. The authors have assessed the degree of study of the subject of research, highlighted the main scientific ideas, analyzed the possibility of preserving traditional values of the Turkic-Mongolian world in the context of globalization. In the course of the study, proven scientific principles of pluralism of political and legal cultures and historicism, cultural and civilizational approach, historical, hermeneutic, comparative and formal-legal methods were used. As a result of the study, the authors conclude that, on the one hand, the specific functioning of the political and legal institutions of the Turkic-Mongol world is based on the desire to maintain their independence and autonomy from the influence of external forces, but on the other hand, the imitation of Western-oriented narratives is traced with varying degrees of success.

Keywords: traditionalism; continuity; Turkic-Mongolian world; globalisation; tribalism; Eurasian legal family; mixed legal system.

References

- 1 Saidov, A.H. Religioznaya tolerantnost' i svetskoe gosudarstvo v Uzbekistane [Religious tolerance and a secular state in Uzbekistan], (National Human Rights Centre of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, 2002, 174 p.), [in Russian].
- 2 Curtis Glenn Eldon. Kazakstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan, (Headquarters, Dept. of the Army, 1997, 629 p.).
- 3 Hiro Dilip. Inside Central Asia. (Overlook Duckworth, London, 2009, 450 p.).
- 4 Rossabi M. Modern Mongolia: from khans to commissars to capitalists, (University of California Press, California, 2005, 435 p.).
- 5 Politicheskie sistemy sovremennyh gosudarstv: Enciklopedicheskij spravochnik [Political Systems of Modern States: An Encyclopaedic Handbook], (Aspect Press, Moscow, 2012, 599 p.), [in Russian].
- 6 Abashin S. Islamskij vyzov idee nacji? Nekotorye soobrazheniya na primere Central'noj Azii [Islamic Challenge to the Idea of a Nation? Some Considerations on the Example of Central Asia] Rossiya i musul'manskij mir [Russia and the Muslim World]. 2016. No. 3 (285). P.73-85, [in Russian].

- 7 Peyrouse S. Upravlenie religioznym faktorom v Central'noj Azii: Prodolzhenie sovetskoj konceptual'noj skhemy i psevdovozrozhdenie [Religious Factor Management in Central Asia: Continuation of the Soviet Conceptual Framework and Pseudo-Renaissance] Rasy i narody [Races and Peoples]. Vol. 32. Moscow, Nauka, 2006. P. 9-32, [in Russian].
- 8 Fathi S. Pereustroystvo islama v nezavisimyh gosudarstvakh Central'noj Azii [Reconstructing Islam in the Independent States of Central Asia] Rasy i narody [Races and Peoples]. Vol. 32. Moscow, Nauka, 2006. P. 33-41, [in Russian].
- 9 Khalid A. Islam posle kommunizma: Religiya i politika v Central'noj Azii [Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia], (Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow, 2010, 304 p.), [in Russian].
- 10 Borisova E.A. Rol' neformal'nykh institutov v upravlenii Kazahstanom [The Role of Informal Institutions in the Governance of Kazakhstan] Vestnik Eurasia [Bulletin of Eurasia], 2002. No. 1. P. 27-47, [in Russian].
- 11 Masanov N. E. Kazahskaya politicheskaya i intellektual'naya elita: klanovaya prinadlezhnost' i vnutrietnicheskoe sopernichestvo [Kazakh political and intellectual elite: clan affiliation and intra-ethnic rivalry] Vestnik Eurasia [Bulletin of Eurasia].1999. No.1. P. 46-61, [in Russian].
- 12 Egorov V.G., Rekk D.A. Klany v aktual'nom politicheskom processe postsovetskikh stran Central'noj Azii [Clans in the Current Political Process of Post-Soviet Countries of Central Asia] Vestnik MGOU [Bulletin of MGOU]. 2020. No. 3. P. 36-47, [in Russian].
- 13 Avatkov V.A. Idejno-cennostnyj faktor v tyurkskih gosudarstvakh postsovetskogo prostranstva [Ideological and value factor in the Turkic states of the post-Soviet space] Mirovaya politika [World Politics]. 2019. No. 4. P. 1-12, [in Russian].
- 14 Malysheva D. B. Politicheskie processy v postsovetskoj Central'noj Azii [Political Processes in Post-Soviet Central Asia] Kontury global'nykh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2018. Vol. 11. No. 3. P. 36-52, [in Russian].
- 15 Sodnompilova M.M. Prostranstvo v tradicionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatel'nosti mongol'skih narodov [Space in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples] author's dissertation D. in History: 07.00.07. - Ulan-Ude, 2011. 50 p., [in Russian].
- 16 Budkin V. Gosudarstva Central'noj Azii: dilemmy vlasti [Central Asian States: Dilemmas of Power] Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2006. No. 5 (47). P.115-130, [in Russian].
- 17 Panarin S.A. Politicheskoe razvitie gosudarstv Central'noj Azii v svete geografii i istorii regiona [Political Development of Central Asian States in the Light of Geography and History of the Region] Vestnik Eurasia [Bulletin of Eurasia], 2000. No. 1. P. 90-132, [in Russian].
- 18 Nadein-Raevsky V. A. Pantyurkizm: ideologiya, istoriya, politika. Ekspansionistskaya doktrina: ot Osmanskoj imperii do nashih dnei i sud'by Turcii, Rossii i Armenii [Pan-Turkism: ideology, history, politics. The expansionist doctrine: from the Ottoman Empire to the present day and the fate of Turkey, Russia and Armenia], (Russkaya panorama, Moscow, 2017, 316 p.), [in Russian].
- 19 Huntington S. Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations], (AST, Moscow, 2003, 603 p.), [in Russian].
- 20 Nazarbayev, N.A. Idejnaya konsolidaciya obshchestva - kak uslovie progressa Kazahstana [Ideological consolidation of society - as a condition for the progress of Kazakhstan], (Kazakhstan XXI Century, Almaty, 1993, 31 p.), [in Russian].
- 21 Wiezbicki A. Istoricheskie, politicheskie i social'no-ekonomicheskie aspekty nomadizma i trajbalizma u narodov Central'noj Azii [Historical, political and socio-economic aspects of nomadism and tribalism among the peoples of Central Asia] Central'naya Evraziya [Central Eurasia]. 2018. No. 2. P.37-63, [in Russian].
- 22 Abaideldinov E. M. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i nacional'nogo prava Respubliki Kazahstan (problemy stanovleniya prioritetnosti) [The correlation of international and national law of the Republic of Kazakhstan (problems of establishing priority)] (Juridical literature, Almaty, 2006, 271 p.), [in Russian].
- 23 Romashov R.A., Vetyutnev Y.Y., Tonkov E.N. Pravo – yazyk i masshtab svobody [Law - language and scale of freedom], (Aletheia, Saint Petersburg, 2015, 448 p.), [in Russian].
- 24 Saidov A.Kh. Nacional'nye parlamenty mira: encikl. [National Parliaments of the World: Encyclopedia], (Wolter Kluwer, Moscow, 2005, 720 p.), [in Russian].
- 25 Ayupova K.Z., Kusainov D.U. Nacional'nye pravovye sistemy stran Central'noj Azii: opyt, perspektivy [National legal systems of Central Asian countries: experience, prospects] ravovye sistemy Rossii i stran Central'noj Azii: problemy razvitiya i vzaimovliyaniya: sbornik tezisov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 55-letiyu yuridicheskogo fakul'teta AltGU (24-25 maya 2018 goda) [Legal systems

of Russia and Central Asian countries: problems of development and mutual influence: collection of abstracts of the International scientific-practical conference dedicated to the 55th anniversary of the Faculty of Law AltSU)]. Publishing house of Alt. un-ta, - Barnaul, 2018. P.39-44, [in Russian].

26 Suleimenov M.K. Anglijskoe pravo i pravovaya sistema Kazahstana [English Law and the Legal System of Kazakhstan] Pravo i gosudarstvo [Law and State]. - 2016. No.3 (72). P. 37-45, [in Russian].

27 Aliev T.R. Tendencii stanovleniya i razvitiya pravovoj sistemy Azerbajdzhana [Trends of formation and development of the legal system of Azerbaijan] Sborniki konferencij NIC Sociosfera [Collected Conferences of the Sociosphere Research Centre]. 2011. No.34. P.119-121, [in Russian].

28 Suhareva A.Ya. Pravovye sistemy stran mira. Enciklopedicheskij spravochnik [Legal systems of countries of the world. Encyclopedic Handbook] (Norma, Moscow, 2003, 976 p.), [in Russian].

29 Chikeeva Z. Ch. Nacional'naya pravovaya sistema Kyrgyzskoj respubliki v perekhodnyj period [National Legal System of the Kyrgyz Republic in Transition] Mizhnarodna yuridichna naukovopraktichna Internet-konferenciya «Problemi yurisprudencii: teoriya, praktika, suspil'nij dosvid» [International Legal Scientific and Practical Internet Conference «Problems of Jurisprudence: Theory, Practice, and Court Experience»], Available at: https://www.legalactivity.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=621%3A031013-18&catid=78%3A1-1013&Itemid=97&lang=en [in Russian], (accessed 25.05.2018).

30 Moldoev E. E., Abakirova A. M. voprosu o nacional'noj pravovoj sisteme Kyrgyzskoj Respubliki [On the issue of the national legal system of the Kyrgyz Republic] Problemy Nauki [Problems of Science]. 2017. No.4 (86). P.61-64, [in Russian].

31 Oborotov Y.N. Obshchepravovoe razvitie i evrazijskaya pravovaya sem'ya [General Legal Development and the Eurasian Legal Family] Philosophy of Law [Filosofiya prava]. 2001. No.1 (3). P. 71-74, [in Russian].

32 Shulepov N.A. Konceptciya «evrazijskogo» prava v sovremennoj komparativistike [The concept of 'Eurasian' law in modern comparativism] Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences]. 2017. No. 5 (782). P. 220-224, [in Russian].

33 Madaev E.O. Doktrina v evrazijskoj pravovoj sisteme [Doctrine in Eurasian legal system] Gosudarstvo i pravovye sistemy stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: stanovlenie policentricheskogo miroporyadka i potencial mezhdunarodnogo prava i sravnitel'nogo pravovedeniya. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Nauchnyj redaktor YU.I. Skuratov [State and legal systems of countries of Asia-Pacific region: establishment of polycentric world order and potential of international law and comparative law. Materials of VII International scientific-practical conference. Scientific editor Y.I. Skuratov]. 2018. P. 51-56, [in Russian].

34 Democracy Index, Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Democracy_Index (accessed 25.05.2021).

35 Sabloff P. L. W. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy, Central Asian Survey. 2002. V. 21. No. 1. P. 19-36.

36 Pavlov E.V. Obshchaya harakteristika pravovoj sistemy Mongolii [General characteristics of the legal system of Mongolia] Sovremennye problemy teorii i praktiki prava glazami molodyh issledovatelej: materialy 10 Vserossijskoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (31 marta – 1 aprelya 2016 g., g. Ulan-Ude) Vost.-Sib. gos. un-t tekhnologij i upravleniya [Modern problems of the theory and practice of law through the eyes of young researchers: materials of the 10th All-Russian Youth Scientific-Practical Conference (31 March - 1 April 2016, Ulan-Ude)], Ulan-Ude, 2016. P. 63-67, [in Russian].

37 Nebratenko G.G. Doktrina pravovoj sem'i tradicionnogo (obychnogo) prava: sovremennoe sostoyanie i perspektivy modernizacii [Doctrine of the Legal Family of Traditional (Customary) Law: Current State and Prospects for Modernization] Filosofiya prava [Philosophy of Law]. 2010. No. 5. P. 10-14, [in Russian].

38 Yurkovskiy A. V. K voprosu o pravovoj sisteme Mongolii [To the question of the legal system of Mongolia] Sravnitel'noe pravovedenie v stranah Aziatsko-Tihookeanskogo regiona - III: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov [Comparative law in the countries of the Asia-Pacific region - III: proceedings of the international scientific conference of young scientists, graduate students and students]. Ulan-Ude: Publishing house of Buryat. state. uniut, 2011. P. 114-116, [in Russian].

39 Konstituciya Mongolii [Constitution of Mongolia], Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=33> [in Russian], (accessed 25.05.2021).

40 Jargalkhand B. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya mestnogo samoupravleniya v Mongolii [Problems of Legislative Regulation of Local Self-Government in Mongolia] Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University], 2012. No.2. P. 153-157, [in Russian].

41 Chernyshov, S.A. Tyurkskie politicheskie tradicii v sisteme organizacii vlasti Russkogo gosudarstva i Sibirskogo hanstva kak faktor ih uspehnoj integracii v XVI-XVII vv. [Turkic political traditions in the system of power organization of the Russian state and the Siberian Khanate as a factor of their successful integration in XVI-XVII centuries] *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. 2018. No. 4. Vol. 2. P. 139-159, [in Russian].

Сведения об авторах:

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, директор юридического института Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Зеленин Юрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Печатнова Юлия Вадимовна – магистрант юридического института Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Vasiliev Anton Aleksandrovich – Doctor of Law, Director of Law Institute of Altai State University, Barnaul, Russia.

Zelenin Yuriy Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Altai State University, Barnaul, Russia.

Petchatnova Julia Vadimovna – Master's student, Law Institute of Altai State University, Barnaul, Russia.